

R

РЕГИОН
В ИСТОРИИ
ИМПЕРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ЭССЕ
О СИБИРИ

**Коллектив авторов
Сергей Глебов**

**Регион в истории империи.
Исторические эссе о Сибири**

Серия «Новые границы»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8639411

*Регион в истории империи. Исторические эссе о Сибири: Новое
издательство; М.; 2013
ISBN 978-5-98379-171-8*

Аннотация

Что такое регион, и как эта концепция работает в исторических исследованиях Российской империи и СССР? Что такое Сибирь, и где ее границы? Как соотносятся образы Сибири как поселенческой колонии и неотделимой части национального мифа? Каким образом представители сибирских народов конструируют историческую память о Российской империи и СССР? Эти и другие вопросы исследуются авторами сборника «Регион в истории империи».

Содержание

Предисловие	5
Завоевание, колонизация, территория	15
Андрей Зуев	15
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Коллектив авторов Регион в истории империи. Исторические эссе о Сибири

© Ab Imperio, 2013

© Новое издательство, 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие

Вот уже второе десятилетие международный научный журнал *Ab Imperio* является локомотивом в исследованиях прошлого и настоящего сложносоставных обществ. Материалом для этих исследований служит прошлое Российской империи и СССР. За прошедшие годы в *Ab Imperio* были опубликованы сотни статей по самым разным аспектам истории, антропологии, литературоведения и других гуманитарных дисциплин. Чтобы дать возможность широкой публике ознакомиться с некоторыми из этих работ, редакция журнала в сотрудничестве с «Новым издательством» продолжает выпуск тематических сборников. Так, первый сборник включал в себя ставшие уже классикой работы по теории национализма и империи. Вторая антология была посвящена сегодняшнему конструированию исторической памяти об империи и нации. В третьей фокус смещался на сам процесс осмысления сложносоставного общества его современниками. При этом на первое место выходил разрыв между аналитическими языками, доступными наблюдателю (концепциями, тропами, поэтикой, культурно обусловленным социальным воображением и метафорами), и социально-политическими реалиями, весьма избирательно и своеобразно описывавшимися этими языками. Этот когнитивный разрыв и определяет во многом историческую динамику культурно

и социально гетерогенного общества (включая «империи»). Наконец, в четвертом сборнике были представлены материалы, обсуждающие роль конфессии как способа категоризации населения, как доступного языка самоописания групп и как механизма управления различиями в истории империи.

Регион является не менее важной категорией восприятия и описания империи. Любопытно, что именно работа Пьера Бурдьё «Идентичность и репрезентация: Критика идеи региона», в которой французский социолог подверг деконструкции локальные идентичности во Франции, стала одним из важнейших текстов в теории национализма. При помощи категории «региона» историки преодолевают детерминизм кажущихся естественными и самоочевидными национальных нарративов и политических границ, не позволяя таким образом проецировать в прошлое сегодняшние политические реалии. В прошлом России и СССР такие регионы, как западные окраины, Средняя Азия, Сибирь или Поволжье имели свою историю и свою специфику, и уже в силу этого они обладают критическим потенциалом по отношению к национальным проектам. Только важно помнить, что и регионы не являются «естественными» пространственно-социальными единицами, но складывались исторически, создавались в результате административных реформ, оформлялись в силу географических причин.

В предлагаемом читателю сборнике мы отобрали материалы, посвященные одному из архетипических регионов Рос-

сийской империи и СССР – Сибири, чья отдельность и внутренняя целостность кажется самоочевидной. Сибирь была вторым после Поволжья регионом, ставшим объектом экспансии Московского государства. В стране, не обладавшей собственными источниками золота или серебра, стремительно покоренная Сибирь стала главным поставщиком единственной доступной валюты – ценных мехов. Продвигаясь по рекам, подобно французам в Квебеке, казаки, служилые люди и промышленники (многие из них – переселенные пленные, так называемая литва) охотились на ценных зверьков, торговали, а главное – «побивали» и облагали ясаком местных жителей, приводя их «под государеву высокую руку». Это покорение шло по лесной и тундровой зоне севера Евразии, и к началу XVII века остановилось на границах степной зоны. Только в XVIII веке, с появлением регулярной армии европейского образца Российская империя смогла начать подчинение кочевых народов степной зоны. И именно тогда, в XVIII веке, изначальный стимул к продвижению на восток – извлечение природных ресурсов – стал терять силу.

Варварское истребление животных привело к огромным недостаткам в сборе ясака. Казалось бы, важность Сибири должна была резко уменьшиться в связи с падением доходов от ее эксплуатации. Но этого не произошло в силу ряда причин. Пожалуй, самым важным был фактор пространства. К концу XVIII века добыча ценных мехов ушла дальше на восток. К началу XIX века Российская империя управля-

ла своими Североамериканскими колониями на Аляске при помощи Российско-американской компании (РАК), частного предприятия. При этом Сибирь служила передаточным звеном, своего рода огромным транспортным регионом для РАК, содержавшей свои конторы и станции в сибирских городах. В конце XVIII века Нерчинские заводы начали давать медь и серебро. В плоскости геополитики, Сибирь превратила Московское царство, по мировым масштабам довольно захолустное государство на краю Европы, в империю с интересами, простирающимися в Среднюю Азию и Китай. И в советское время Сибирь оказалась важнейшим геополитическим фактором – ведь именно в глубь континента были эвакуированы учреждения и промышленность во время Великой Отечественной войны. Пространственный тыл СССР сыграл огромную роль в противостоянии гитлеровской Германии. Более того, начиная с 60-х годов XX века СССР в основном экспортировал то, что добывалось из недр страны, и добывалось именно в Сибири. Нефтяные и газовые месторождения Сибири отсрочили крах коммунистической системы и продолжают во многом определять внутреннюю и внешнюю политику постсоветской России.

Несмотря на общепризнанную важность Сибири для России, ее политический и культурный статус в государстве никогда не был однозначным, а география четко зафиксированной. Географически Сибирь начинается за Уралом, и это, пожалуй, единственная константа в исторической гео-

графии региона. Его южные и восточные границы исторически неопределенны. Так, в XIX веке «Сибирь» могла включать в себя Степной край, но уже в первой половине XX века формируются представления об отечественном Дальнем Востоке. Приморский край, Чукотка, Амурская область часто не включались в Сибирский регион, да и сегодня жители Дальнего Востока не считают себя сибиряками. Географическая размытость Сибири становится еще более очевидной – и любопытной – если мы обратим внимание на череду образов Сибири, представляющих ее, с одной стороны, неотъемлемой частью России, а с другой – поселенческой колонией. Популярны тексты и фильмы, особенно в советское время, создавали образ Сибири как важного элемента самоидентификации советского русского национализма (например, в известном романе В. Шишкова «Угрюм-река», в литературе «деревенской прозы» или в советских телевизионных блокбастерах вроде «Вечного зова»). Это объединение мифологии покорения региона и одновременного представления его «исконной» основой русского национального мифа было почти тотальным. Характерно, что в русской культуре практически не имелось образов «благородного дикаря» (непременного спутника колонизаторского мифа) – сибирского инородца. Только в начале XX века В.К. Арсеньев написал полудокументальную повесть «Дерсу Узала», которой Акира Куросава обеспечил всемирную известность. В советское время собирательный образ «коренного жителя

Сибири» был представлен в массовой культуре только шлягерами Кола Вельды – нивха, исполнявшего свои песни исключительно в европейской традиции. И сегодня россияне знают удивительно мало о народах Сибири – в отличие от населения США, Австралии или Новой Зеландии, где знания о коренных народах этих стран стали частью национального самосознания и массового образования.

В то же время в 1990-е годы на волне центробежных тенденций в Российской Федерации проснулся интерес к сибирскому областничеству – любопытной попытке части сибирской интеллигенции помыслить Сибирь как типичную переселенческую колонию. Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, С.С. Шашков и другие убежденные областники считали, что, поскольку Сибирь завоевана силой оружия и заселена колонистами, то будущее ее должно быть подобно будущему других переселенческих колоний, таких как Австралия, Новая Зеландия, и, в особенности, Соединенные Штаты Америки. Исходя из опыта Австралии, областники резко критиковали политику ссылки в Сибирь уголовных преступников, считая, что ссылка ложится тяжелым бременем на местное население как экономически, так и в смысле «развращения нравов». Основываясь на работах Эдварда Гиббона Уэйкфилда, сыгравшего ключевую роль в колонизации Южной Австралии и Новой Зеландии и в основании будущего Канадского доминиона, областники верили, что правильная колонизационная политика в Российской Сибири может не только

превратить ее в цветущую страну, но и поможет избежать люмпенизации крестьянства в самой России. Хотя областническое движение и являлось самым ярким примером политики сравнения, игравшей большую роль в модерный период российской истории, подобные примеры можно найти и в риторике администраторов, и в научных работах.

Эра деколонизации западных заморских империй, начавшаяся после Второй мировой войны, сопровождалась интенсивной критикой научного знания, произведенного в империи и служившего ей. Так называемые постколониальные исследования, широко заимствуя из арсенала литературоведения, деконструировали нарративы цивилизационного превосходства европейцев над покоренными народами колоний. Зачастую, постколониальные исследования исходили из того, что центры политической власти и культурные и научные центры заморских колоний совпадали – их было легко локализовать в столицах метрополий и в правящих классах империи. Однако Сибирь не соответствует этой схеме. Разумеется, она была объектом интенсивного научного изучения, более того, именно в результате исследований Сибири в XVIII веке возникает немецкий вариант этнографии как науки о человеческом разнообразии. Но вопрос о совпадении источников власти и знания в этом случае остается открытым. Не только немецкие исследователи не склонны были полностью идентифицироваться с центром империи, полагая самих русских не вполне цивилизованным народом (хо-

тя и движущимся в верном направлении). Уже приведенный пример сибирских областников, в основном детей офицеров, чиновников и купцов, свидетельствует о дистанции между обладанием политической властью и производством знания в истории Сибири. Вспомним также и о том, что в раннесоветской этнографии доминировала знаменитая «этнотройка»: В. Тан-Богораз, В. Йохельсон и Л. Штернберг, получившая свое этнографическое образование в сибирской ссылке. Именно в Сибиряковской экспедиции, организованной в 1892 году по инициативе областника Г.Н. Потанина, эти ведущие этнографы – а тогда государственные преступники – начали свою научную карьеру.

Разумеется, советский период принес новые измерения в сибирский исторический опыт. В Сибири появились автономные республики и округа, в которых, по крайней мере теоретически, власть принадлежала представителям титульных национальностей. Советская индустриализация привела к появлению промышленных регионов, подобных Магнитогорску, а коллективизация уничтожила вполне успешное сельское хозяйство Западной Сибири. И хотя Сибирь во все не была исключительным местом для создания концентрационных лагерей сталинского режима, в народном воображении именно с Сибирью ассоциируются сталинские репрессии.

Что же может дать изучение сибирской истории для понимания истории империи? Где место Сибири в новой им-

перской истории? Статьи, помещенные в настоящем сборнике, намечают возможные ответы на эти вопросы. Так, Андрей Зуев в своей статье убедительно показывает несостоятельность советской мифологемы о «добровольном вхождении» сибирских народов в состав России. Покойный Анатолий Ремнев, ведущий историк Сибири имперского периода, рассматривает дискуссии о колонизации Сибири в контексте развития национального мифа. Елена Безвиконная в своей статье демонстрирует не только пористость, но и физическое отсутствие границ в Сибири XIX века. В статье, посвященной дискуссиям об открытии сибирского университета, Анатолий Ремнев обсуждает те политические силы, которые формировали дискурсы об этой имперской окраине, а Сергей Скобелев анализирует демографию сибирских народов как политический инструмент современных агентов власти. Статья Юлии Ульянниковой не только обращается к малоизвестному эпизоду в истории российского Дальнего Востока – эвакуации населения Сахалина после Русско-японской войны, но и демонстрирует сложность имперского контекста, в котором сосуществуют и соперничают параллельные принципы классификации разных групп населения. Перекликаясь с работой Зуева, Павел Варнавский исследует процесс создания образа общего советского прошлого (механизмы вспоминания и забывания) на материалах Бурятии. В статье Татьяны Скрынниковой рассматривается проблема восприятия России в самоидентификации бурят и подчеркива-

ется приоритетность династической лояльности императору в XIX веке над конфессиональными и этническими факторами. В своем исследовании практик солдатских матерей в Барнауле Сергей Ушакин демонстрирует, как в постсоветской России производятся новые идентичности и создается новое публичное пространство посредством материализации памяти, то есть перевода личной человеческой утраты в ритуалы воспоминания.

Таким образом, история Сибири в гетерогенном обществе (империи, СССР или РФ) – это история завоевания и насилия, конструирования общей исторической памяти и политики сравнения, зазоров между центрами власти и центрами производства знания. Это сложная история, в которой люди не идентифицируются лишь с одной группой, но выбирают и конструируют свою групповую принадлежность в сложном контексте сложного общества.

Сергей Глебов

Завоевание, колонизация, территория

Андрей Зуев «Конквистадоры империи»: русские землепроходцы на северо-востоке Сибири

В последнее десятилетие XX века в отечественной историографии явно обозначился пересмотр господствовавшей прежде концепции преимущественно мирного и чуть ли не добровольного присоединения нерусских народов и территорий к России, в оценках расширения Московского царства и Российской империи зазвучали ранее табуизированные советской идеологией (частью которой был миф об извечной дружбе народов СССР) термины «завоевание», «колониальная политика», «экспансия». Переоценка затронула и «сибирское взятие». В сибиреведческой литературе 1990-х годов уже признается сложность и противоречивый характер присоединения Сибири в целом и ее отдельных регионов. Отмечается, что нельзя преуменьшать масштабы конфликтов, которые имели место на этапе «вхождения» Сибири в

состав России, а также степень сопротивления русским отдельных групп местного населения. Указывается, что взаимоотношения русских и аборигенов были крайне напряженными, имелось много моментов, приводящих к конфронтации и вооруженным столкновениям¹.

На пути переосмысления характера присоединения Сибири к России предстоит проделать еще большую работу, включающую, с одной стороны, терминологические и методологические аспекты, а с другой – «банальную» фактографию, т. е. восстановление реальной картины русского продвижения «встречь солнцу» и, соответственно, выявление всех фактов русско-аборигенных вооруженных столкновений и всех методов подчинения сибирских народов русской власти. К числу перспективных задач относится и анализ роли человеческого фактора в ходе присоединения, поскольку вполне очевидно, что характер взаимоотношений, а значит, и самого присоединения во многом определялся в результате взаимодействия носителей разных «цивилизаций» – русской и аборигенной. Первыми представителями русского народа и русской власти, с которыми вступали в контакты коренные сибиряки, были, как известно, «государевы служилые люди» (в основном казаки) и охотники-промысловики («промышленные люди»). Соответственно, без представления о том, что являли собой эти пионеры русского натиска на восток, невозможно понять, почему их отношения с аборигенами выстраивались так, а не иначе.

К сожалению, данная проблема, впервые обозначенная еще в трудах Г.Ф. Миллера, С.П. Крашенинникова и Г.В. Стеллера, впоследствии не получила должного внимания в литературе. Отечественные историки XIX – первой половины XX века, охотно сравнивая русских казаков с испанскими конквистадорами и считая главной причиной русско-аборигенных конфликтов «засорное» поведение казаков и ясачных сборщиков, которые без удержу грабили «иностранцев», просто констатировали это как факт, не пытаясь выяснить мотивацию и факторы подобного поведения. Аналогичная картина, кстати, наблюдается и в зарубежном сибиреведении, которое русское продвижение по Сибири всегда считало завоеванием и экспансией².

С 1950-х годов, когда в советской историографии восторжествовала концепция преимущественно мирного присоединения Сибири к России, одобренная к тому же тезисом о безусловной прогрессивности этого процесса для сибирских народов, писать о русских землепроходцах-носителях «прогресса» и «передовой русской культуры» как о завоевателях и колонизаторах стало не принято. Соответственно, ретушировались все негативные стороны их поведения, а когда речь все же заходила о нелицеприятных явлениях эпохи присоединения (сопротивлении аборигенов, их ограблении и эксплуатации), они объявлялись порождением феодально-крепостнического строя тогдашней России, а вина за многочисленные «лихоимства» возлагалась на агентов са-

модержавия на местах – воевод, ясачных сборщиков и отдельных служилых людей³. Самих же землепроходцев представляли почти исключительно героями великих географических открытий, такими «рыцарями без страха и упрека»⁴.

В постсоветское время исследователи стали уже указывать на то, что русско-аборигенные столкновения были результатом соприкосновения разных, первоначально антагонистических культур и психологической неготовности аборигенов к встрече «неведомых пришельцев». Однако далее подобных общих заявлений дело пока не продвинулось. С сожалением приходится констатировать, что до сих пор в сибиреведческой литературе, как ни странно, нет ни одной работы, *специально* посвященной анализу причин русско-аборигенных конфликтов и, более того, отсутствуют методические и методологические приемы исследования этой проблемы.

В данной статье, опираясь на уже введенные в научный оборот источники, многие из которых опубликованы, я попытаюсь нарисовать обобщенный портрет русских землепроходцев с точки зрения их взаимоотношений с аборигенами. Территориально мое исследование ограничивается крайним северо-востоком Сибири, а точнее, теми районами, где проживали коряки, чукчи и ительмены. Эта география обусловлена тем, что, с одной стороны, указанные народы оказали русским наиболее длительное и ожесточенное сопротивление, а с другой – именно здесь наиболее ярко проявилась

инициатива и самостоятельность самих землепроходцев (по сравнению с другими сибирскими регионами), которые зачастую на свой страх и риск отправлялись в неведомые земли, расширяя пределы Российского царства. Соответственно, хронологические рамки охватывают период первых контактов, т. е. вторую половину XVII – первую четверть XVIII века.

Скупые сообщения дошедших до нас «сказок», отписок и челобитных землепроходцев и представителей государственной администрации (ясачных сборщиков и приказчиков) показывают, что, несмотря на отдельные факты мирного взаимодействия, господствующим вариантом развития событий было военное противостояние русских и аборигенов. По моим подсчетам, на протяжении означенного периода произошло по меньшей мере 23 вооруженных столкновения с чукчами, 41 – с коряками, 39 – с ительменами⁵. Несомненно, известная доля вины за эту «войну» падает на самих «иноземцев», которые в силу разных причин и обстоятельств, зачастую уже при первом знакомстве, встречали русских «в штыки». Но это тема отдельного исследования⁶. Меня же интересуют сами землепроходцы, точнее говоря, то, почему они мирным переговорам зачастую предпочитали грубую силу.

Чтобы понять их образ действий, необходимо обратить внимание на те факторы, которые оказывали на него влия-

ние. Конечно, рассмотреть весь спектр мотивов, определявших поступки казаков и промышленников в каждой конкретной ситуации (при каждом взаимодействии с аборигенами), невозможно. Но выделить наиболее существенные, непосредственно детерминировавшие поведение землепроходцев, вполне реально.

До конца XVII века стандартной была ситуация, когда отряды землепроходцев формировались, во-первых, в значительной степени добровольцами, во-вторых, на их собственные средства или средства организаторов походов, причем и те, и другие «залезали» в большие долги («должились у торговых людей дорогою ценою»). Достаточно привести известные примеры с организацией экспедиций С. Дежнева – Ф. Попова, М. Стадухина, Ю. Селиверстова, Л. Морозко, В. Атласова. Даже в первой четверти XVIII века, когда доля добровольцев («охочих людей») в составе отрядов резко снижается и, соответственно, увеличивается доля «государевых служилых людей», последним все равно приходилось, в основном, вкладывать в материальное обеспечение походов значительные собственные и взятые в долг средства.

Нетрудно догадаться, что, отправляясь в поход на собственных «проторях», казаки и промышленники рассчитывали обогатиться на новых землях. В противном случае становится совершенно непонятно, во имя чего многие из них добровольно отправлялись в неведомые земли, почему даже служилые люди, несмотря на свое небольшое жалованье⁷,

которое к тому же постоянно задерживалось, а то и вовсе не выдавалось, несмотря на «нужи и великие тяготы», раны и увечья, голод и болезни, «великие долги» (о которых неизменно сообщали в своих челобитных), продолжали не только тянуть служебную лямку, но вновь и вновь охотно уходили в дальние походы. Кого-то, конечно, могли манить слава первооткрывателя и служебная карьера, но большинство шло все же ради сугубо меркантильных интересов.

Наиболее легким способом быстрого обогащения являлось, естественно, получение от аборигенов того, что в глазах русских имело ценность, прежде всего пушнины. Взять это можно было путем товарообмена или грабежа. Но количество товаров было ограничено. Известный якутский историк Ф.Г. Сафронов, проанализировав данные якутской таможенной книги за 1650 год, пришел к выводу, что даже промышленные люди, отправляясь на промыслы, брали с собой весьма незначительные запасы «русских изделий», которые в основном уходили на собственные нужды, а торговать они могли только остатками. По его мнению, «нет оснований переоценивать, как это делают многие исследователи, значение торговой деятельности торговых и промышленных людей в глухой периферии, в районах промыслов. Торговля там всегда являлась привязкой к главному звену: промыслам соболя»⁸.

Землепроходцы тем более не могли превращать свой отряд в торговый караван. Им и так приходилось брать с собой

достаточное количество вооружения, боеприпасов и продовольствия. Дополнительный же груз привел бы к потере маневренности, что было весьма нежелательно в условиях, когда двигаться приходилось по неизвестной и труднопроходимой территории. Поэтому неизбежно русские обращались к другому способу, чтобы «выбить» из аборигенов все, что представляло ценность, причем в таком количестве, которое позволило бы не только собрать ясак (продемонстрировав тем самым свою заботу о «государеве интересе»), но и пополнить собственный карман, чтобы рассчитаться с долгами и получить прибыль. И было уже неважно, грабили они с желанием или без него. У них просто не было иного выхода: с долгами надо было расплачиваться. Конечно, кроме этого, они могли заниматься и занимались пушным промыслом. Скорее всего, за счет него на первых порах русские получали пушнину, поскольку у самих аборигенов охота на пушных зверей не играла заметной роли в хозяйстве. Но здесь вступал в силу другой фактор.

У землепроходцев, которые, как правило, несколько лет находились в походе и были оторваны от своих баз, со временем возникала потребность в продуктах питания, одежде, средствах передвижения, во всем, что могло спасти их от холода, голода и физического истощения. А взять все это опять же легче всего было у аборигенов. Значит, возникал еще один мотив, толкавший казаков и промышленников к грабежам. В качестве иллюстраций приведем действия двух

знаменитых землепроходцев – Семена Ивановича Дежнева и Владимира Владимировича Атласова.

Дежнев и горстка его казаков, едва спасшиеся при кораблекрушении южнее Чукотки, выйдя в 1649 году на реку Анадырь, в первое время, просто чтобы выжить, добывали средства жизнеобеспечения у обитавших там юкагиров. Сам Дежнев по этому поводу позднее рассказывал: «*нехотя голодную смертью помереть*, ходил я... в поход к анаульским и к ходынским не к ясачным мужиком»⁹. Бывший на Анадыре служилый человек Митька Васильев сообщил в 1652 году в своей челобитной, что в 1651-м «Семен Дежнев и Микитка Семенов Горбун с товарищи и промышленные люди все в поход ходили и в походе анаулов погромили. *И в дуване у них в разводе на человека было* корму на сорок человек по полутора пуда жиру говяже, по семи пуд на человека было мяса сохово, да по тринадцати пуд оленя мяса туш на человека»¹⁰. Прибывший на смену Дежневу Ю. Селиверстов в отписке (не ранее 1654 года) писал: «на той же реке Анадыре на низ, ниже их зимовья, жили анаули иноземцы неясачные люди и во 159 году [1650/51] оне, Семен Дежнев с товарищи, тех иноземцев анаулей прибили и в иные годы тож разбивали для своих бездельных нажитков и ясырей»¹¹.

Атласов и его «полчане» во время похода 1697–1699 годов на Камчатку «питались... оленями, которые *полонили* они у иноземцев, и рыбою, которую они *имали* у иноземцев,

а иную рыбу сами ловили сетями». Эти реквизиции подчас проводились с применением силы, поскольку камчатские коряки и ительмены отказывались давать «ясак» неведомым пришельцам. Как поведал сам Атласов в своих «сказках» по поводу одной такой «реквизиции»: «Они, коряки, учинились непослушны и пошли от них на побег, и он, Володимер, с товарищи их постигли, и они, иноземцы, стали с ними биться, и божиею милостию и государевым счастьем их, коряк, многих побили, *и дома их и олени взяли, и тем питались...*»¹²

Надо думать, что Дежнев и Атласов не были оригинальны в своих действиях. До своих экспедиций они уже немало лет прослужили на северо-востоке Сибири, участвовали во многих походах на «иноземцев», имели большой опыт общения с ними, и, став руководителями, использовали традиционные и общепринятые методы жизнеобеспечения своих отрядов за их счет.

Ситуация усугубилась после того, как на присоединяемых территориях возникли русские остроги и зимовья. Промышленные и служилые люди пребывали там временно. Первые – пока не обеспечат себя достаточной добычей, вторые – на период «служебной командировки», обычно год-два. К началу XVIII века численность промышленников вследствие оскудения промыслов фактически упала до нуля и почти единственными представителями русского населения остались служилые люди. А они в подавляющем большинстве были «временщиками». Соответственно, и психология у них

была «временщиков».

С момента объясачивания территории и установления на ней русской власти в силу вступал такой немаловажный фактор, как назначение якутскими воеводами служилых людей за взятки на должности, связанные с доходами в государственную казну, прежде всего приказчиками острогов и зимовий и ясачными сборщиками. Эти взятки именовались «окуп» и во второй половине XVII века превратились в Якутском уезде в хорошо отлаженную и фактически узаконенную местными властями систему.

Государев сыщик Федор Охлопков, посланный в 1665–1666 годах в Восточную Сибирь «всех воевод... неправды и плутости сыскать», выявил, что за назначение ясачными сборщиками якутские воеводы брали с приказчиков по 300 рублей, подьячих и толмачей – по 40 рублей, с рядовых казаков – по 6 рублей. Еще более безотрадную картину обнаружил другой государев сыщик Федор Качанов, приехавший в Якутск в конце XVII века. Оказалось, что взятки за посылки в ясачные волости поднялись до астрономических сумм: от 100 до 1200 рублей. Чем доходнее была «ясачная волость», тем выше был «окуп» (например, Ю. Крыжановский за назначение приказчиком в Охотск дал воеводе А. Барнешлеву 1000 рублей). По подсчетам сыщика, якутские воеводы во второй половине 1660-х годов одного «окупу» от ясачных сборщиков получали до 6–7 тысяч рублей ежегодно, «оприч того, что из волостей приезжают и приносят со-

больми и иною мягкою рухлядью». За 1694–1699 годы якутские воеводы в общей сложности получили только с приказчиков, по разным подсчетам, от 14 до 17 тысяч рублей¹³.

Якутский воевода Яков Агеевич Елчин в 1713–1715 годах получал взятки за назначение на службу в остроги и зимовья с приказчиков по 300 рублей, толмачей – по 200 рублей, подьячих – по 100 рублей и с прочих служилых – по 50 рублей. Следствие над ним установило, что в эти годы он взял со служилых людей «окупу» по меньшей мере 2356 рублей¹⁴. Другой управитель Якутска (с 1716-го по 1720-й), ландрат И.В. Ракитин, за отпуск на сбор ясака получил со служилых людей, по подсчетам следственной комиссии, 10 815 рублей. По данным этой комиссии, якутский ландрат, дворяне, дети боярские и другие служилые (всего 117 человек) оказались виновными в грабежах и взятках у ясачных огромного количества пушнины (одних только соболей 10 тысяч штук), скота, денег (1344 рублей)¹⁵.

Говоря об общих суммах взяток, выявленных следственными комиссиями, надо, конечно, иметь в виду, что их реальный объем был больше, поскольку многие служилые или вообще не признавались в даче «окупа», или занижали его величину, так как они понимали, что им придется объяснять следователям, откуда взялись такие деньги. Ведь жалованье служилых никак не могло покрыть расходы на взятки (особенно, если учесть, что им надо было обеспечивать собствен-

ное существование). В конце XVII – начале XVIII века рядовой казак получал в год 5–7 рублей, 5–7 четвертей ржи, 2–6 четвертей овса, 1,5–2,5 пуда соли, командный состав (десятники, пятидесятники, сотники, атаманы) – 5–10 рублей, 6–8 четвертей ржи, 2–6 четвертей овса, 1,5–2,5 пуда соли, дети боярские и дворяне – 6–20 рублей, 5–14 четвертей ржи, 5–12 четвертей овса, 2-ю пуда соли¹⁶. К тому же это жалованье хронически не выплачивалось в полном объеме и из него вычитали большие суммы за оружие, выдаваемое из казны¹⁷.

Естественно, что «окуп» воеводам служилые покрывали за счет поборов с ясачных людей. «Быв у одного ясашного збору в ыноземческих волостях, возвращали оную свою дачу с ыноземцев», – констатировали государевы сыщики. Следствия над якутскими воеводами показали, что грабеж иноземцев со стороны служилых людей имел массовый характер и огромные масштабы¹⁸. Таким образом, получалось, что якутская администрация, широко практикуя систему «окупов», толкала служилых на ограбление иноземцев и при этом фактически узаконивала грабеж, покровительствуя тем, кто хотел и умел «делиться» добычей. «Сами воровали и вора́м потакали» – говорили якутские служилые про своих воевод¹⁹.

На «вновь приисканных землях» отряды служилых и промышленников попадали в тяжелейшие условия. При отсутствии регулярного снабжения продовольствием (прежде все-

го хлебом), орудиями охоты и рыболовства, жизнь на Анадыре, Охотском побережье и Камчатке была исключительно дорогой и трудной. Заняться здесь земледелием, которое могло стать более-менее стабильным источником продовольствия, из-за природно-климатических условий было невозможно. Охота и рыболовство в больших масштабах требовали соответствующего снаряжения, которого или не было вовсе, или не хватало. В результате служилые и промышленные люди часто терпели нехватку самого необходимого, голодали, питались нередко «заморной рыбой» (выбросившейся на берег), древесной корой, кореньями, болели цингой и т. п. Примеров тому можно привести множество.

Но прокормиться худо-бедно все же можно было за счет охоты, рыбалки и «подножного корма» (грибов, ягод, съедобных растений). Однако вернуть затраченные на «окуп» и поход средства, причем с «прибытком», можно было только за счет чего-то ценного. Повезло тем, кому удалось найти на побережье залежи моржовой кости. На этом поправили свое благосостояние С. Дежнев и первые анадырские казаки. Но «заморный зуб» был далеко не везде, да и в Анадырском лимане его выбрали достаточно быстро. Поэтому оставался один источник доходов – пушнина. Ее можно было добывать самим, что на первых порах, как отмечалось выше, русские и делали. Но по мере того, как объясаченное население при- нуждалось к массовой добыче пушного зверя, легче было, не затрачивая собственных времени и средств, прикрываясь

сбором ясака, изымать значительную часть пушнины в свою пользу.

На этом поприще у служилых и промышленных людей, шедших на северо-восток, за плечами был уже немалый опыт предшественников. Вся предыдущая история присоединения Сибири отмечена многочисленными фактами «воровства», когда русские, используя свое превосходство в силе, грабили и обирали аборигенов²⁰. Причем, чем дальше от центра и правительственного контроля, тем больший размах приобретал грабеж. О «чинении сумнения, тесноты и смуты» первыми отрядами служилых людей «новым ясачным людям» в Якутии сообщали в Москву сибирские воеводы – тобольский, мангазейский, енисейский²¹. Уже в 1638 году правительство в своем наказе первым якутским воеводам с горечью констатировало, что служилые и промышленные люди, «пристав под которою землецею приманивали тех землиц людей торговать, и имали у них жон и детей, и животы их и скот грабили, и насилства им чинили многие, и от государевы высокие руки тех диких людей отгонили, а сами обогатели многим богатством, а государю приносили от того многого своего богатства малое»²².

Москва пыталась бороться с этим явлением и неизменно напоминала сибирским воеводам о необходимости прекратить грабежи и лихоимства²³, однако толку от неоднократных указов не было никакого. За столетие продвижения по

Сибири служилые и промышленные люди отработали механизм и систему злоупотреблений.

На первых порах, когда шло объяснячивание, это был захват военных трофеев и пленных (ясырь), которых превращали в холопов. Жаждающие легкой добычи казаки и промышленники подчас сознательно не стремились к мирному исходу встречи с аборигенами, который ограничил бы возможности их грабежа. Знакомство с многочисленными фактами вооруженных столкновений приводит к мысли, что русские далеко не всегда были заинтересованы в мирных отношениях даже с уже объясаченными иноземцами и нередко провоцировали их на «измену», которая давала повод все для того же грабежа. Бывало и так, что служилые сначала совершали разбойничий налет на ясачных, а затем обвиняли их в якобы готовящейся «измене» и нежелании платить ясак. На подобную тактику землепроходцев уже указывалось в литературе²⁴.

Редко, но случались и обратные ситуации, когда землепроходцы, убедившись в том, что с иноземцев взять нечего, прекращали попытки их объясачивания. На это исследователи как-то не обращали внимания, хотя подобные факты достаточно показательны.

Так, Атласов напал в 1698 году на «курильских мужиков б острогов», взял штурмом один из них, «а иным острожкам не приступали, потому что у них *никакова живота нет и в ясак взять нечего*»²⁵. Другой пример. В 1711 году груп-

па камчатских казаков под руководством Д. Анциферова и И. Козыревского отправилась из Большерецкого острога на Курильские острова. По сообщению Козыревского, казаки на первом острове Шумшу имели «крепкий» бой с «курильскими мужиками», которые якобы отказались платить ясак. Убив десять туземцев и не понеся никаких потерь, казаки с огорчением обнаружили, что «на том острове соболей и лисиц не живет и бобрового промыслу и привалу не бывает...», т. е. они остались без добычи. На втором острове, где туземцы также отказались идти под «высокую государеву руку», казаки даже не стали вступать с ними в сражение, если верить Козыревскому, «за малолюдством» и ушли восвояси. Правда, позднее, в 1712 году, бывший в этой экспедиции казак Григорий Переломов сообщил, что Анциферов и Козыревский о втором острове показали ложно, поскольку там они не были²⁶. В данном случае для нас не важно, были ли казаки на втором острове или нет. Примечательно то, что они отказались от дальнейшего подчинения курильцев и сделали это, поняв, что затраченные усилия ничем не оправдываются, поскольку у курильцев не было ничего, представлявшего интерес для казаков. Апелляция Козыревского к «малолюдству» вряд ли достойна внимания, так как на первом острове этот фактор не остановил казаков.

По мере объясачивания и «умиротворения» иноземцев в ход шли и другие приемы. Служилые люди, пользуясь отсутствием правильного надзора за их действиями, выстраи-

вали свои официальные и частные отношения с аборигенами на основе собственной выгоды и наживы. Не расписывая подробно многочисленные злоупотребления и ухищрения, к которым они прибегали, вычленим наиболее типичные и самые распространенные «лихоимства»²⁷.

В первую очередь, широкое поле для разного рода злоупотреблений открывал сбор ясака в государственную казну (он давал и законное прикрытие). Именно поэтому в лихоимстве прежде всего упражнялись представители местного административного аппарата – приказчики и ясачные сборщики. Они могли просто «накинуть» к ясачному окладу несколько соболей «для своей бездельной корысти», подчас взимая ясак в двойном и тройном размере против оклада, могли низко оценить принесенную иноземцами в ясак пушнину, заставляя их тем самым сдавать больше и забирая излишки себе, могли заменить «лучшие» меха, сданные в ясак, своими «худыми» и, наконец, широко практиковали вымогательство «подарков» и «гостинцев» в виде пушнины, продуктов питания, одежды. В последнем случае казаки захватывали в заложники близких родственников ясачноплательщика (жен и детей) и охотно прибегали к мерам физического воздействия: батогами выбивали «подарки».

Во-вторых, для обеспечения собственного существования и новых походов русские прибегали к реквизиции у аборигенов всего необходимого: продуктов питания, одежды, средств передвижения. Аборигены должны были постав-

лять и «корма» для содержания захваченных у них аманатов. Притом, если ясачный сбор, по крайней мере величина ясачного оклада, хоть как-то регламентировался официально, то эти реквизиции абсолютно не нормировались и казаки «по праву сильного» забирали столько, сколько хотели. В частности, сбор аманатского корма превращался в еще одно средство вымогательства. В конце 1730-х годов Иркутская провинциальная канцелярия по поводу содержания аманатов на Камчатке, в частности, отмечала, что «из того зборного аманатского корму посланные зборщики и служилые люди про себя употребляют, а аманатом разве малое дело юколы ради пропитания дают, а больши питаются, собирая под окнами милостиною, и хуже скота содержат, что немалое озлобление такому дикому народу», «а с курильских народов и з островов первого и второго и третьего, которые прилежат к японской стороне, те зборщики и служилые люди вместо таковых аманацких кормов берут с каждого ясашного по камчацкому бобру..., а взятые грабежом те розделяют по себе»²⁸.

Возможность для наживы предоставляла и торговля²⁹. Мало того, что русские несоразмерно завышали стоимость казенных и собственных товаров, они еще и навязывали их силой, «торгуя», к тому же, в нарушение указов, до ясачного сбора. Иноземцы, будучи не в состоянии расплатиться, становились должниками, и за неуплату долга русские забирали у них жен и детей, а то и самого должника превращали в холопа. Главным, да фактически единственным товаром, кото-

рый скупали русские, была пушнина, поскольку ничего другого, представлявшего ценность для дальнейшей перепродажи, у аборигенов просто не было.

Особо стоит остановиться на таком распространенном явлении, как похолопление «иноземцев». Его источниками, как отмечено, были плен (ясырь) и долговые обязательства. Наибольшие масштабы оно приняло на Камчатке. Г.В. Стеллер писал: «У каждого казака было по меньшей мере 15–20 рабов, а у некоторых даже от 50 до 60. Этих рабов они проигрывали в кабаке в карты, и случалось, что рабыня в течение одного вечера переходила к трем или четырем хозяевам, причем каждый, кто выигрывал, ее насиловал. Таких рабынь казаки выменивали также на собак»³⁰. Ему вторил С.П. Крашенинников: «Из острожков покоренных силою брали они довольное число в полон женского полу и малолетних, которых разделяя по себе владели ими как холопами»³¹, добавляя в другом месте: «Походы служивым не бескорыстны бывали, ибо они, побив мужиков, жен их и детей брали к себе в холопство, отчего до розыску бывшего 1734 и 1735 году у каждого служивого человека по 10, а у богатых человек и по 40 холопей, по их ясырей было, им покупать и продавать и пропивать и в карты проигрывать их вольно было»³². Данные I переписи 1724 года показывают, что в Верхнекамчатском остроге только у 27 разночинцев числился юг холоп, в Большерецке у 34 разночинцев – 108 холопов (для срав-

нения: в Анадырском остроге у шести разночинцев было 17 холопов)³³. И это без учета собственно служилых людей, у которых холопов было явно больше.

Возможность иметь значительное число холопов приводила к тому, что холоповладельцы – казаки, промышленники, разночинцы – предпочитали фактически жить за их счет. «Несчастные рабы должны были исполнять всякую работу, и ни один казак решительно не ударял пальцем о палец, а только играл в карты, пьянствовал, объезжал от поры до времени свой округ для сбора долгов или шел на войну» (Г.В. Стеллер)³⁴. «Оные холопы должны были стараться о всем потребном к содержанию, а они, как господа, довольствовались готовым, ни за какие труды не принимаясь... жили они как дворяне за холопами» (С.П. Крашенинников)³⁵. Эти замечания двух наблюдательных современников наводят на мысль, что на Камчатке был насажден худший из известных вариантов тогдашних общественных отношений – холопство, причем в самых жестких, фактически рабских формах. Это, конечно, имело негативные последствия, и не только потому, что в корне разрушало социально-экономическую структуру ительменского общества, но и потому, что заставляло русско-ительменские отношения «вращаться по замкнутому кругу». Служилые и промышленные люди, оказавшись на Камчатке, выстраивали свое жизнеобеспечение за счет труда холопов-ительменов и, соответственно, не име-

ли потребностей в создании собственных хозяйств. Отсутствие хозяйства давало казакам массу свободного времени, которое они проводили в попойках и картежной игре, в результате чего пропивали и проигрывали все имущество (в том числе и холопов)³⁶. Когда это происходило, казаки отправлялись на захват новой добычи и военнопленных. А далее все повторялось.

И тут мы выходим на очень важный вопрос: только ли внешние обстоятельства (потребности жизнеобеспечения и обогащения) детерминировали действия землепроходцев или же их поведение зависело также от их морального облика и менталитета? Данная проблема никогда всерьез не занимала исследователей присоединения Сибири. Биографии отдельных «пионеров» «сибирского взятия» лишь в малой степени обозначают контуры проблемы. К тому же, написанные в рамках концепции «преимущественно мирного присоединения Сибири», они старательно облагораживают облик «героев», выводя за скобки их негативные черты.

Разумеется, проследить жизненный путь и дать оценку нравственного облика каждого из тех, кто отправлялся «встречь солнцу», невозможно. Да и вряд ли нужна такая подробная конкретизация. Известные факты вполне позволяют и без этого дать обобщенную характеристику сибирских «конквистадоров», в нашем случае – тех, кто действовал на крайнем северо-востоке Сибири.

Уже исходя из того, что в отрядах землепроходцев преоб-

ладали до известного момента «добровольцы», можно утверждать, что это были люди далеко не спокойные по своему характеру, достаточно смелые, самостоятельные, решительные и склонные к авантюризму. Когда поток «добровольцев» стал иссякать, к походам, сбору ясака и вообще к несению службы продолжали привлекаться промышленники и казахи родственники, т. е. люди, формально не состоящие на службе, а значит, не связанные дисциплиной. Да и основная «ударная сила» присоединения – служилые люди – отнюдь не были носителями высокой нравственности и добропорядочности.

Якутский гарнизон до 1680-х годов и, соответственно, отряды землепроходцев в значительном количестве пополнялись людьми, мало склонными к дисциплине и порядку. Согласно данным Ф.Г. Сафронова, в состав якутских служилых людей в 1640-1670-х годах было поверстано 378 человек, из них 129 (одна треть!) оказались ссыльными, 118 (еще треть!) – промышленными и гулящими людьми³⁷. То есть их в значительной степени можно отнести к маргинальным слоям тогдашнего российского общества, так называемой вольнице. К тому же надо иметь в виду, что среди ссыльных были далеко не только «борцы против феодального гнета» и военнопленные, но и обычные уголовники – воры, разбойники, насильники.

Число этих маргиналов среди якутских казаков увеличилось в результате широко практиковавшегося наемниче-

ства, когда определенный по очереди на службу в дальние остроги и зимовья казак, не только из Якутска, но и из других сибирских городов, нанимал вместо себя другого казака, чаще всего – того же гулящего человека³⁸. Это и понятно: «домовитый» служилый человек, обремененный хозяйством и семьей, предпочитал стабильность и постоянное место жительства. За «журавлем в небе» гнались в подавляющем большинстве люди, ничего не имевшие за душой – голытьба «без кола и двора». В частности, Г.А. Леонтьева указывала, что дважды, в 1701 и 1706 годах, в отряд Атласова, комплектовавшийся в Сибири для посылки на Камчатку, попадали люди с сомнительной репутацией, в том числе уголовники³⁹.

Подымаясь в походы на своем «коште», оторванные по несколько лет от баз снабжения и вышестоящего начальства, находясь на неизвестной или еще мало обследованной территории, отряды землепроходцев и гарнизоны новопостроенных острогов и зимовий, в чьем составе были люди, отличавшиеся своеволием и нередко буйным нравом, были полностью предоставлены сами себе. К тому же, как уже давно подмечено историками, среди сибирских служилых людей были сильны традиции казачьего и вообще «мирского» самоуправления⁴⁰. Как писал Н.И. Никитин, «внутренняя организация казачьих ватаг складывалась в том виде, какой был наиболее целесообразен для выполнения постав-

ленных задач и вообще для выживания в суровых, экстремальных условиях. Она являла собой нередко причудливую смесь официальных и устанавливаемых самими казаками и диктуемых жизнью порядков»⁴¹. С одной стороны, во главе «войска» (именно так называли казаки свой отряд независимо от его численности) стоял представитель воеводской администрации – приказчик, с другой стороны, войско оказывало или стремилось оказывать влияние на его действия своим советом. Добыча в соответствии с нормами общежития вольного казачества должна была поступать в общий «котел» («дуван») и делиться на паи («дуваниться») ⁴². Это, соответственно, приводило к круговой поруке.

В этом отношении, в частности, показателен инцидент, произошедший в 1718 году на Камчатке. Служилый человек Федор Балдаков, обиженный тем, что его отстранили от сбора ясака, подал «выборным судейкам» Нижнекамчатского острога Кузьме Вежливцову и Алексею Колычеву челобитную с изложением «лихоимств» ясачного сборщика Степана Саблина. «Судейки», зависимые от казаков, выбравших их на «приказ», собрали «круг» и зачитали челобитную Балдакова вслух «всенародно». При этом по поводу обвинений в «лихоимствах» они заявили: *«Мы де и все так делаем сами»*, – и отказались начать следствие⁴³.

Подобная «войсковая» организация вкупе с преобладанием анархического элемента приводили к тому, что действо-

вавшие на северо-востоке Сибири отряды напоминали собой ватаги вольных казаков, отправившихся в поход за «зипунами». Во время первоначального «присоединения» новых земель самостоятельность землепроходцев доходила до того, что они рассматривали объясаченные ими территории как свои «вотчины», не допуская на них конкурентов из других гарнизонов, в результате чего случались даже вооруженные столкновения между разными отрядами («и в том де меж себя у служилых людей бывает ссора великая, а ясачным людям налога»)⁴⁴. Частыми были казачьи волнения, бунты и неповиновение властям и командирам, сопровождавшиеся распрями среди самих казаков из-за дележа добычи. Изредка случались ограбления казаками торговых и промышленных людей⁴⁵.

Самым ярким всплеском казачьей самостоятельности в данном регионе стал бунт казаков на Камчатке в январе – марте 1711 года. Это событие, упоминаемое во многих работах, до сих пор остается неизученным, без должной и развернутой оценки⁴⁶. Не вникая в подробности и обстоятельства бунта (что требует отдельного анализа), я лишь обозначу его главные причины: во-первых, столкновение интересов казачьей вольницы со стремлением якутских властей руками приказчиков навести порядок и, во-вторых, столкновение норм казачьего общежития («войсковых» традиций) с «самовластьем» приказчиков. Последние вели себя как царьки

и в отношениях с подчиненными предпочитали силовые методы воздействия, злоупотребляли властью, попирали важнейшее право казачьего войска – на «справедливый» раздел военной добычи. Почти все награбленное у ительменов они забирали себе. Как жаловались сами казаки, приказчики «чинили... обиды и налоги великия для своих бездельных корыстей, к нам, рабам твоим, всячески приметывались, кнутъем и батоги били не по вине, на смерть, без розыску». Возмущение казаков закончилось тем, что они убили трех приказчиков, присланных из Якутска (В. Атласова, О. Липина, П. Чирикова), «раздували» их имущество и провозгласили выборное казачье самоуправление во главе с атаманом Данилой Анциферовым и есаулом Иваном Козыревским.

После этого бунта камчатские казаки волновались еще несколько раз. Осенью-зимой 1711 года они намеревались убить нового приказчика В. Савостьянова. В 1712 году закащик Верхнекамчатского острога казак Константин Кыргызов со своими подручными, 15 служилыми и промышленными людьми, захватил Нижнекамчатский острог, арестовав его закащика Федора Ярыгина и ограбив некоторых нижнекамчатских жителей, а заодно и местных ительменов. Затем он отказался передать власть прибывшему на Камчатку приказчику В. Колесову. В свою очередь Ярыгин, освободившись из тюрьмы, подобрав себе 18 «молодцов», навел грабежами ужас на Верхнекамчатский острог⁴⁷. В 1715 году казаками был смещен и посажен под арест приказчик А. Пет-

риловский, а в 1719-м – приказчик В. Кочанов. В 1720 году вновь наблюдалось сильное брожение в камчатских гарнизонах, и очередной приказчик М. Лукашевский в отчаянии доносил вышестоящим властям, что если не принять быстрых мер по замене распоясавшихся казаков другими, то Камчатке грозит безвластие, беспорядки и «в службе государевой остановка». При этом в ходе каждого бунта и волнения между самими служилыми и промышленными людьми, в зависимости от того, какую сторону они принимали, случались «разборки» и драки с поножовщиной⁴⁸.

На этом поле буйной казачьей вольницы «вырастали» колоритные фигуры руководителей отдельных отрядов, ставших известными землепроходцами.

Так, пожалуй, самый деятельный и энергичный из них, Михаил Васильевич Стадухин, судя по его действиям, был достаточно жестким человеком и в отношениях с «коллегами» и «иноземцами» предпочитал силу. Еще до похода на Анадырь он конфликтовал с колымским приказчиком сыном боярским В. Власьевым, реквизировал без санкции «сверху» товары и суда у торговых людей на Колыме, не прочь был пограбить ясачных иноземцев («своею дуростью ходил на Анюю-реку и по той реке погромил ясачных мужиков, и те ясачные мужики... оголодали и не платили государеву ясаку»). Прибыв на Анадырь, вступил в конфликт с С. Моторой и С. Дежневым, в результате чего резко обострились отношения с юкагирами. Притом Стадухин совершал вооружен-

ные нападения на тех юкагиров (анаулов), которых уже объясачил Дежнев, отбирал пушнину у своих «соперников» – Дежнева и Моторы, для получения информации не гнушался применять пытки к пленным («и он де, Мишка, их пытал, и они де с пытки в роспросе сказали...»). К слову сказать, между Стадухиным и Моторой была острая вражда. Последний еще на Колыме 6 февраля 1650 года пытался убить Стадухина, стреляя в него из лука⁴⁹.

Вероятно, так же решительно Стадухин действовал и в отношении коряков, когда с Анадыря прибыл на Охотское побережье. Бывшие в этом походе казаки позднее, в 1658 году, сообщали в своей челобитной, что поход сопровождался многочисленными вооруженными столкновениями с иноземцами: «и раны от ыноземцов и увечье приимали, ран по 5ти и по шти, и по юти на человеке... И многих, государь, побито нас, холопей твоих, на дорогах и на переходах, и на морском разбое, и на аманатцкой имке, и з голоду померло 37 человек»⁵⁰. Прибыв в 1657 году в Охотский острог, Стадухин своими действиями во многом инициировал выступление охотских казаков против местного целовальника Л. Мартемьянова. И дни свои он закончил в 1666-м в бою с ламутами на Янском хребте⁵¹.

Схожим поведением отличался и другой «командир», Юрий Селиверстов, который, прибыв на Анадырь в апреле 1654 года, даже не заходя в зимовье, сразу же напал без вся-

кого повода на ясачных анаулов, ограбил их, поранив и побив до смерти несколько человек. Затем не смог поделить с Дежневым сферы влияния и конфликтовал с ним из-за моржовой корги⁵². Своевольным нравом и жаждой добычи обладал еще один землепроходец, анадырский приказчик в 1663–1666 годах, Иван Меркурьевич Рубец (Бакшеев), который за время своей службы на Анадыре и похода на Камчатку «скопил» «пожитков» ни много ни мало на 1050 рублей. Правда, новый приказчик Д. Катасанов «вымучил» их у него⁵³.

Еще один характерный пример – пятидесятник В.В. Атласов, человек несомненно умный и наблюдательный, прекрасно понимавший значение своего камчатского похода для интересов государства, отличавшийся решительностью, жесткостью и даже жестокостью, не лишенный страсти к наживе и своеволия. В литературе, правда, уже не раз предпринимались попытки облагородить образ этого «камчатского Ермака», представить его таким бескорыстным землепроходцем, который стремился на новые земли исключительно ради любопытства⁵⁴. Однако приводимые «адвокатами» Атласова аргументы нельзя признать убедительными. У него, как отмечал Б.П. Полевой, «прегрешений и достоинств было более чем достаточно»⁵⁵, причем первые подчас преобладали над вторыми.

Еще будучи рядовым казаком, Атласов в 1688 году вместе с казаком М. Гребенщиковым и якутом Г. Бачюковым

во время сбора ясачных недоимок избил и ограбил несколько якутов. В 1692 году он был одним из заводил выступления анадырских казаков против приказчика С. Чернышевского. В 1701 году в целях снабжения своего отряда ограбил на Верхней Тунгуске торговый караван купца Л. Добрынина, потворствовал своим «полчанам», которые пьяным разгулом и грабежами держали в страхе город Киренск. Позднее собственноручно зарубил казака Данилу Беляева, который обвинил его в утайке от казны чернобурой лисицы. Во время двух своих походов на Камчатку то умел находить общий язык с коряками и ительменами, то применял против них крайние меры, пуская в ход оружие, своими «изгоями» вызвал восстание юкагиров в собственном отряде. Из первого похода он вывез своего «прибытку» 440 соболей, больше, чем собрал в ясачную казну. К концу повторного «приказного правления» на Камчатке, к 1707 году, сумел «накопить» 1235 соболей, 400 красных и 14 сиводущатых лисиц, 75 морских бобров и, кроме того, массу другой «мяхкой рухляди» в виде одежды. Понятно, что приобрел он все это не законным способом, а путем поборов с ительменов и подчиненных казаков. Последние, не выдержав лихоимств и издевательств Атласова, и убили его в 1711 году⁵⁶. Вполне прав был М.И. Белов, который, характеризуя «камчатского Ермака», писал: «во время похода на Камчатку раскрылся со всей ясностью облик Атласова, сибирского казака – завоевателя, ясачного сборщика, своенравного, решительного и предпри-

имчивого человека, смелого и не останавливающегося ни перед чем при достижении поставленной цели»⁵⁷.

Вообще приказчики, правившие в северо-восточных острогах, заслуживают особого рассказа. Редкий из них не отличался страстью к наживе, лихоимством и даже самодурством. Имея официальные полномочия, подкрепленные к тому же «окупом», и, соответственно, покровительством со стороны якутского воеводы, они вели себя как самовластные правители. Причем доставалось не только иноземцам, но и подчиненным казакам, у которых приказчики забирали себе часть их жалованья и вымогали «подарки», даже с применением мер физического воздействия. Очень часто за грань «приличия», даже по меркам того времени и тех мест, выходили «правители» камчатских острогов. На грабеже ительменов они сколачивали огромные состояния.

Уже Атласов собрал в собственный карман больше пушнины, чем в казенный. Сменивший его приказчик Петр Чириков занимался незаконной торговлей, присваивал собранную в ясак пушнину и, по словам казаков, «чинил ясачным иноземцом грабительство, обиды и налоги великие и раззорение не малое, рыбные кормы и зимняя припасы, сарану и кипрей, дворовым своим робятам велел отнимать без остатку, а лутчих которых ясачных иноземцов, он Петр, для своих бездельных корыстей кнутъем и батоги бил не по вине на смерть»⁵⁸. Третий приказчик, Осип Миронов (Липин), «учал... в ясачную пору по иноземским острогам ездить из

Верхняго до Нижнего Камчадальского острогу, и чинил он, Осип, в проезде своем ясачным иноземцом обиды и налоги великия, для своих корыстей к ним всячески приметывались, бил многих батоги на смерть, не по вине»⁵⁹. У трех этих приказчиков восставшие казаки в 1711 году отобрали 5260 соболей, 1610 лисиц, 170 каланов (морских бобров) и 22 соболи шубы⁶⁰.

Прославился своим лихоимством и приказчик Алексей Петриловский, у которого после ареста обнаружили 5669 соболей, 1703 лисицы, 169 выдр, 297 каланов и, кроме того, огромное количество меховых лоскутов и меховой одежды (по другим данным, 5600 сорок соболей, 4400 лисиц, 500 каланов, 300 выдр, 18 лисьих шуб). Причем Петриловский не стеснялся в средствах: значительную часть этого богатства (на несколько тысяч рублей) он просто отобрал у известного землепроходца И. Козыревского; без всякого смущения выменял у коряков часть камчатского ясака, отбитого ими у отряда В. Колесова и И. Енисейского (присвоив его себе)⁶¹.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.